

**МНОГООБРАЗИЕ ЖАНРОВЫХ СРЕДСТВ В СОЗДАНИИ
«АРМЯНСКИХ» ОЧЕРКОВЫХ ПОРТРЕТОВ У М. ШАГИНЯН**

Для литературного портретного очерка моделями публицисту служат передовые люди общества, и его задача - полнее раскрыть личность, ее побуждения, ее путь, который может быть повторен многими.

Шагинян создано более десяти портретных очерков, воссоздающих образы деятелей армянской культуры и искусства - О.Туманяна, А.Исаакяна, Е.Чаренца, М.Сарьяна, А.Таманяна, О.Абеляна и других. Созданные портреты Шагинян - это очерки о творческих личностях с богатой внутренней жизнью, которая реализуется в творчестве.

Литературный портретный очерк создает не копию оригинала, а образ человека. Огромная предварительная работа должна предшествовать созданию очерка-портрета: выбор героя, проникновение в его внутренний мир, изучение среды, конкретных условий, в которых он живет. Именно внутреннему, духовному миру героя писательница уделяет большее внимание при создании образа и в этом плане спорит с критиком, утверждавшим, что «человек сплошь и рядом выступает в статье ... лишь как носитель определенной социальной роли, и нет необходимости вдаваться в подробности его внутренней жизни, исследовать «диалектику души»¹. Описание же внешности, наоборот, занимает незначительное место в статьях, однако при этом используются одна-две яркие, броские фразы-характеристики. Вот несколько примеров: О Спендиарове: «маленький человек с круглым личиком глядел сквозь очки, улыбаясь детской улыбкой» или: «чуть волочил за собой одну ногу», «ссутулился», «быстрый и нервный человек с ваткой в ушах, одетый небрежно и торопливо». Об Абеляне: «могучий старик, богатырски сложенный, с румяным бритым лицом, сочным голосом, громовым хохотом». О Чаренце: «слушатель не мог не поддаться... обаянию его вызывающей стремительной речи, язвительному остроумию, оригинальности его мышления».

Человек в публицистическом произведении наделен своими чертами характера, иначе это не живой человек. Но способ изобразить характер так же избирателен, как и черты характера, попадающие в него.

Ярким средством характеристики персонажа в произведениях Шагинян служит высказанное мнение третьего лица.

М.Бакунин - о Налбандяне: «Он золотой человек - весь душа, весь преданность... берет не умом, а сердцем - хотя, пожалуй, как истый армянин, и очень хитер, когда надо» (9,248).

А.Белый - о Сарьяне: «Как тихо, какая тишина стоит в присутствии Сарьяна» (9,302).

О.Туманян - о сказках самой Шагинян: «Лав э, шат лав э. Хорошо, очень хорошо, - воздух Лори я почувствовал». (9,278).

Один из видов характеристики, который Шагинян использовала в большинстве своих произведений, - указание на возраст: «Она была репатриантка, двадцатипятилетняя женщина» (о Гоар Гаспарян); «старый человек, которому пошел восьмой десяток (о Ширванзаде); «он был лет тридцати, некрасивый, неловкий, застенчивый, но добрый, неглупый, полный сочувствия ко всему хорошему» (о Налбандяне из письма Н.А. Пучковой-Огаревой). В некоторых случаях нет прямого указания на возраст, и тогда используются побочные средства характеристики: «его ввели в комнату, поддерживая за плечи, - но в нем не было дряхлости» (о Сарьяне); «сухая высокая фигура ... с седой бородкой» (о Таманяне); «невысокий и невзрачный паренек» (о Чаренце).

У Шагинян наблюдается внимание к таким портретным деталям, как черты лица, в частности губы (рот) и глаза:

«Молодой горячий взгляд из-под очков, ... с тонким изящным ртом на бритом лице (о Ширванзаде);

«Глаза его лучились удивительным светом» (о Сарьяне);

«Резкие и ярко-выраженные черты лица, рисунок губ, горячий блеск глаз» (об Абовяне);

«Острое, худое лицо», «глаза, смотревшие грустно, сердечно и очень умно», «губы очень тонкие, втянутые чуть вглубь» (о Туманяне).

Шагинян использует разнообразные художественно-выразительные средства и возможности жанра для создания портретной характеристики. Важную роль при этом играет фактор личного знакомства: «Мы сделали в те дни с Сарьяном замечательную прогулку»; «...Потом мы поговорили о пустяках»; «Он написал мне длинное письмо». При встрече или в беседе с героем очерка автор нередко отмечает характерное в его мировоззрении. Так, в спорах с Чаренцем выявляются его взгляды на статус армянской женщины в обществе как хранительницы домашнего очага, в беседе с Сарьяном - стремления художника найти «что-то новое», что соответствует ритму жизни.

Герои произведений Шагинян - люди интересной судьбы, с сильным характером, умеющие преодолевать трудности. Писательница восхищается мужеством и упорством Абовяна и Налбандяна, испытывает огромное уважение к тем, кто в тяжелое для Армении время вернулся на родину, желая быть ей полезным. Это вернувшийся из Европы в Советскую Армению Исаакян, Ширванзаде, жизнь которого спокойно текла в Тбилиси. Особую гордость Шагинян вызывает тот факт, что «результатом ее шага» стало возвращение на родину Таманяна, Сарьяна.

В каждом из своих героев писательница отличает два начала - человеческое и творческое. Она словно не допускает возможности, чтобы, например, красивый, интересный Ширванзаде оказался посредственным писателем или, наоборот, блестящий художник Сарьян - недостойным человеком. Для Шагинян эти два понятия - человек и мастер, «варпет» - органичны и не существуют в отдельности. Она словно выводит формулу:

творчество есть отражение, результат видения мира через духовность, через внутренний мир, который и является сущностью человека.

Образы в произведениях – это не только люди. Человек может не фигурировать на страницах статей или очерков, но о нем говорят его поступки, его дела, что дает автору возможность создать характер, образ по «косвенным признакам». В статье «Стихи Аветика Исаакяна» нет ни описания внешности поэта, ни прямого указания на какую-либо черту характера или возраст. Вся статья – это гимн его подлинно народному творчеству. Представление о поэте складывается у читателя из той оценки, которую дает его творчеству Шагинян, и того впечатления, которое производит произведение. Творения великих мастеров, их музыка, картины, их стихи – все это сливается в статьях и очерках Шагинян в единый образ, образ Армении.

Образность является важнейшим качеством публицистики Шагинян. Словесная образность придает ее тексту живость, позволяет создать запоминающуюся характеристику. Первоэлементом образности у Шагинян, как и вообще в литературе и публицистике, является сравнение, которое несет изобразительную нагрузку. Очень много у Шагинян сложных, развернутых сравнений. Характеризуя творческую личность, она пишет: «Художнику дано творить, он вынашивает и рождает. Это требовательное, утробное дитя, шевелящееся под сердцем, – тема, становящаяся художественной формой, – оно и заставляет творца быть выносливым, терпеть вдвое, втрое больше, чем обыкновенный человек, лишь бы донести, додумать и родить миру искусство... (7, 505). Возникает не только обобщенный образ художника-творца, но и представление о его внутреннем мире, являющимся тем «полем, которое трудолюбиво обрабатывает писатель»⁴.

Обратимся к небольшому отрывку из статьи «Тайна исполнения»:

«Гоар Гаспарян пела армянские песни и в Каире, но то были «домашние» крылатые песни, как бывают залетные и перелетные птицы, не свивающие себе прочных гнезд в пути»⁵. Здесь сравнение не просто служит образным средством, но и несет большую идейную нагрузку. Употребление эпитетов «залетные и перелетные» характеризует армянские песни, а вместе с ними – и важные грани творчества Гаспарян.

В качестве сравнения у Шагинян выступают не только предметы, но и литературные персонажи, а также известные личности. В статье о Спендиарове она пишет: «Если бы он жил и работал дольше ... мы имели бы своего Глинку, первую нормативную ступень «армянской музыкальной классики» (7, 506). «Хачатур Абовян сделал для своего народа то, что Данте для итальянцев» (9,225). Характеризуя же образ Алмаст в рецензии «Декада армянского искусства 1939 года», Шагинян видит в героине оперы «армянскую леди Макбет». Уже известные читателю образы (в данном случае образы русского композитора М.И. Глинки, итальянского поэта эпохи Возрождения и персонажа трагедии В. Шекспира) трансформируются в другие, сообщая ему не один, а целый ряд характерных призна-

ков. Сравнение здесь можно приравнять к метафорическому высказыванию, которое содержит точную и яркую характеристику личности и особенно эффективно в словесном портрете: «Исключительное явление в советской армянской действительности» (О Чаренце); «Соловей Лори», «мудрый учитель жизни» (о Туманяне);

Шагинян использует и такой тип переносного значения, как метонимия: «Народ сразу «запел» Исаакяна». (9, 273)

«Нельзя рассуждать на тему о том, что дал художнику Париж или что дал ему Ереван...» (9, 295)

Средством портретной характеристики служат также картины природы. В пейзажные зарисовки Лори – вершины гор, ущелия с гнездами орлов, леса с пасущимися стадами, шумящий Дебед – автор вкладывает мысль о подлинной народности творчества Ованеса Туманяна, когда пейзаж выступает символом родины и оживают образы героев поэм.

Основным композиционным приемом у Шагинян является антитеза, которая используется и при описании внешности. Шагинян отмечает изменения в целом, происшедшие в жизни одного из созданных ею персонажей – Шакара, и как результат этих изменений – преобразование во внешности.

«Он шел горбясь, говорил шепотом, с трудом сводя бескровные губы над цинготными деснами. Из-под мохнатых бровей глядели добрые крестьянские глаза; цвета его волос разглядеть было нельзя – мохнатая баранья папаха и днем и ночью сползала у него на самые брови; щеки Шакара были покрыты серой, неровной щетинкой.

И ниже: «Не стало бороды у Шакара. Он побрился... Он снял папаху, на голове у него была кепка. Снял и тулуп: ... Давно уже начал Шакар, долгие годы питавшийся сухим чуреком с мацуном, захаживать в столовую и осторожно, обжигая губы с непривычки, пробовать горячего борща. Помину не осталось от цинги, губы у старика плотно сошлись под деснами»¹.

Нельзя, конечно, говорить об антитезе как о доминирующем средстве образности в статьях Шагинян. Тем не менее, она, наряду с различными видами тропа, пейзажем, а также многообразием жанровых средств, служит характеристикой обрисовке внешнего облика и выявлению внутреннего мира героев.

¹ Стюфляева М. И. Образные ресурсы публицистики. М., «Мысль», 1982, с. 29.

² Шагинян М. С. Соб в 9-ти томах, т. 9, "Художественная литература", 1989, с. 274. Далее ссылка на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

³ Канторович В. Я. Художественная публицистика сегодня. «Вопросы литературы», 1960 №2, с. 43

⁴ Шагинян М. С. Об армянской литературе и искусстве, Ереван, 1961, с. 197

⁵ Шагинян М. С. Путешествие по Советской Армении, М., 1952, с. 414.